

**Дмитрий Игоревич
ЗАЙЦЕВ,**

ассистент кафедры
административного
права и процесса
имени Л.Л. Попова
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
dizajcev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Дискреционный нигилизм
как нелегитимная законность:
о пределах нормативности
в публичном управлении**

Аннотация. В статье анализируется новая для отечественной юридической науки категория — дискреционный нигилизм, под которым предлагается понимать деформацию правосознания правоприменителя, выражающуюся в негативном отношении к административному усмотрению, а также в отказе от реализации своих дискреционных полномочий. Автор изучает дискреционный нигилизм с онтологических позиций, выстраивая определенную таксономию, т.е. соотношение дискреционного нигилизма с различными понятиями, в частности такими как «законность», «нормативность» и «публичное управление». В целях этого прежде всего раскрываются некоторые отличия дискреционного нигилизма от правового нигилизма, демонстрируются корреляция и зависимость между ними. Далее автор рассуждает о легитимной и нелегитимной законности, аргументируя гипотезу о том, что дискреционный нигилизм тесно связан с последней из них. В последней части исследования фокус сосредоточивается на конфликте между должным (нормативно-правовым) и сущим (нормативно-фактическим); показывается, что триумф должного и порождает дискреционный нигилизм. В завершение автор приглашает к дискуссии о дискреционном нигилизме представителей академического цеха.

Ключевые слова: дискреционный нигилизм, правовой нигилизм, административное усмотрение, дискреционные полномочия, законность, нормативность, публичное управление

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.141.5.066-075

Dmitry I. ZAITSEV,

Assistant of the Administrative Law
and Procedure Department named after L.L. Popov
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
dizajcev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Discretionary Nihilism as Illegitimate Legitimacy:
on the Limits of Normativity in Public Administration**

Abstract. This article analyzes a category that is new to Russian legal scholarship — discretionary nihilism — which is defined as a distortion of the legal consciousness of the law enforcer, manifested in a negative attitude toward administrative discretion and a refusal to exercise one's discretionary powers.

The author examines discretionary nihilism from an ontological perspective, constructing a specific taxonomy — that is, the relationship between discretionary nihilism and various concepts, in particular «legality», «normativity», and «public administration». To this end, the author first highlights certain differences between discretionary nihilism and legal nihilism, demonstrating the correlation and interdependence between them. The author then discusses legitimate and illegitimate legality, arguing that discretionary nihilism is closely linked to the latter. In the final part of the study, the focus shifts to the conflict between the ought (normative-legal) and the is (normative-factual); it is shown that the triumph of the ought gives rise to discretionary nihilism. In conclusion, the author invites representatives of the academic community to join the discussion on discretionary nihilism.

Keywords: discretionary nihilism, legal nihilism, administrative discretion, discretionary powers, legality, normativity, public administration

Властвовать сверх меры —
самая большая опасность для правителей.

Оноре де Мирабо

Введение

Настоящая статья состоит из трех взаимосвязанных эссе, посвященных дискреционному нигилизму и его сочетанию с такими классическими для теории административного права и административного процесса категориями, как «законность», «нормативность» и «публичное управление».

Эссе как полемический жанр обыкновенно используется для предварительного изучения проблем, находящихся на грани нескольких отраслей академического знания, а равно и за их гранью, в пространстве научных сумерек, рассеять которые в силах лишь всполохи озарения и искры интуиции ученого. Ступать по этой зыбкой, междисциплинарной почве непросто, ибо она обязывает исследователя, не имеющего ни четкой цели, ни строгого плана работы, к легкости, ловкости, эвристике и казуистике. Зато и наградой за такое усердие может стать результат, многократно превосходящий самые смелые ожидания автора.

Проблему дискреционного нигилизма на текущий момент вряд ли стоит анализировать при помощи привычных нам методов юридического познания, будь то формально-догматический, сравнительно-правовой или статистический метод. Как социальный феномен дискреционный нигилизм существует несколько веков, но как научный объект — всего несколько лет. Поэтому он еще не осмотрен, не описан, не атрибутирован, он всего лишь *выявлен* (верифицирован). Другими словами, сейчас институт дискреционного нигилизма пребывает в *доконвенциональном статусе*: правоведам предстоит договориться по поводу его природы и признаков в ближайшем будущем. Соответственно, любые исследования дискреционно-нигилистической тематики пока предпочтительно проводить с онтологических позиций, предусматривающих, в частности, построение определенной таксономии, т.е. установление корреляции между дискреционным нигилизмом и смежными с ним понятиями.

1. Нигилизм: правовой и дискреционный

Правовой нигилизм считается бичом современного правопорядка. Усилия законодателя — от легислативной инициативы и драфтирования закона до его санкционирования и промюльгации — все чаще и чаще разбиваются о нежелание населения соблюдать содержащиеся в нем требования. При этом демократизация государственного строя, неизбежно сопровождающаяся увеличением каталога прав и свобод граждан, порой лишь форсирует нигилистические настроения в обществе. Как отмечает Е. К. Матевосова, «условия, которые должны <...> способствовать большей свободе граждан, являются одновременно условиями, при которых правовой нигилизм облекается в одно из проявлений этой свободы, и как минимум — свободы в отрицании ценности права»¹. Таким образом, иногда разработки законов, сами того не желая, создают вполне благоприятные факторы для их же нарушения. В данном смысле правовой нигилизм можно, опираясь на органическую теорию происхождения государства, охарактеризовать как *паразита демократии*, т.е. вредного, антагонистически настроенного, но имманентно присущего народовластию иждивенца.

Другой причиной правового нигилизма, по наблюдению Л. А. Петручак, выступает «повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний»². Трудно не согласиться с данным тезисом. Вместе с тем, как бы парадоксально это ни прозвучало, к отрицанию правовой материи со стороны невластных субъектов права приводит и *скрупулезное применение законодательных норм* агентами публичной власти, например в тех случаях, когда такое применение ограничивает права и свободы граждан или противоречит их законным интересам. В 1930 г. И. В. Сталин назвал подобную ситуацию термином «перегибы на местах»³ (применительно к ведущейся с серьезными нарушениями коллективизации), который впоследствии получил весьма обширное распространение в бюрократическом обиходе. А в настоящее время, по нашему мнению, вместо указанного термина целесообразнее употреблять более емкое и наряду с этим нейтрально-корректное, академическое понятие — *дискреционный нигилизм*.

Дискреционный нигилизм, согласно нашему авторскому определению, есть деформация правосознания правоприменителя (субъекта исполнительной власти), выражающаяся в негативном отношении к административному усмотрению — как собственному, так и других правоприменителей, — а также в умышленном отказе, полном или частичном, от претворения дискреционных полномочий в жизнь⁴. Для теоретико-исторических и публично-правовых (государственно-правовых) наук

¹ Матевосова Е. К. Доктрина правового нигилизма // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43). С. 1040.

² Петручак Л. А. Причины правового нигилизма в современной России // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 22.

³ Сталин И. В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) // Правда. 1930. № 60. С. 1.

⁴ Зайцев Д. И. Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 4. С. 545.

дискреционный нигилизм — это *terra incognita*: новая, непознанная категория, которая тем не менее открыто наличествует в объективной действительности, по нашей предварительной оценке, с XVII—XVIII в. до сегодняшних дней. В отечественной юридической науке данный термин впервые произнес С. В. Щепалов⁵, а следом за ним — С. М. Зубарев⁶. Что же касается зарубежной социально-гуманитарной доктрины, то ей понятие «дискреционный нигилизм», по всей видимости, до сих пор не знакомо⁷.

В прошлом вопрос о дискреционном нигилизме явно уступал по своей актуальности проблеме правового нигилизма. Теперь их положение на чаше весов начинает меняться. Да, разнообразные нарушения законности во всех сферах и отраслях публичного управления по-прежнему тревожат власть и социум. Но по-своему опасной представляется и иная тенденция: распространение практики «слепого», машинального, заведомо ненужного применения закона в тех ситуациях, о которых законодатель даже и не думал при его подготовке⁸. С учетом непрерывного усложнения общественных отношений, причем едва ли не в геометрической прогрессии⁹, данная практика не столько дискредитирует принцип разделения властей («левая рука не ведает, что творит правая»), сколько подрывает доверие народа к правовому регулированию как таковому. В результате этого государство в глазах населяющих его граждан превращается в *медлительного и примитивного голема*, а законность оказывается его грубым, архаичным, нелепым, а самое страшное — *нелегитимным* орудием.

2. Законность: легитимная и нелегитимная

Как известно, термины «легальность» и «легитимность» на протяжении длительного периода были синонимами (собственно говоря, в латинском языке это две формы одной и той же лексемы, т.е. однокоренные слова — *legitimus* и *legalis*), однако после исследований немецкого социолога Макса Вебера (*Max Weber*), начавшихся примерно в конце XIX в. и связанных с *признанием государственной*

⁵ См.: Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 299.

⁶ См.: Зубарев С. М. Административное право в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч. М., 2025. Ч. 2. С. 71.

⁷ Справедливости ради хочется упомянуть о том, что некоторые иностранные ученые воспринимают дискреционно-нигилистические деяния как такие решения или поступки, на которые априорно не способны адекватные судьи и администраторы (см. заключение данной статьи).

⁸ См., например: Зайцев Д. И. Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме. С. 547—550.

⁹ См.: Зайцев Д. И. Теория административного усмотрения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 154—155.

власти со стороны ее граждан или подданных¹⁰, знак равенства между легальностью и легитимностью был навсегда зачеркнут¹¹. Теперь легальность трактуется как законность, а легитимность — как соответствие представлениям народа о справедливости и целесообразности¹². Следовательно, законность может быть *легитимной* (одобряемой и поддерживаемой) и *нелегитимной* (неодобряемой и неподдерживаемой).

Легитимная законность, согласно С. С. Стародубцеву, «отражает соответствие правовых норм, институтов и юридической деятельности исполнительных органов власти национально-нравственному и общечеловеческому измерению»¹³. В данной характеристике любопытно то, что ее автор в общем-то верно экстрагирует из легитимной законности ее составляющие — *легитимное правотворчество* и *легитимное правоприменение*. Впрочем, мы убеждены в истинности несколько перпендикулярного суждения: если легитимно правоприменение, то легитимность правотворчества *практически презюмируется*. Граждане оценивают легитимность не по тому, что написано в законах, а по тому, как складывается общение с их блюстителями. Например, американский философ Генри Дэвид Торо (*Henry David Thoreau*), критикуя правительство США, заявлял: «Мои претензии обращены к людям, а не к пергаменту»¹⁴. Можно здесь вспомнить и русскую народную мудрость, которая гласит: «Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы»¹⁵.

Нелегитимная законность *провоцирует совершение правонарушений*. «Если индивид, — провозглашал Г. Д. Гурвич по этому поводу, — приходит к выводу о том, что законы и система органов публичной власти в целом противоречат его правосознанию, подразумевающему свободу и равенство, то он освобождается от обязанности повиноваться»¹⁶. Для ученого-правоведа означенный тезис, вероятно, звучит чересчур радикально, однако он достаточно правдоподобно иллюстрирует воззрения многих слоев общества. Не учитывать его при разработке законов, а тем более при принятии управленческих решений — это стратегическая ошибка, которая может обернуться катастрофическими последствиями. Так, в 1966—1968 гг. французский министр Кристиан Фуше (*Christian Fouchet*) провел образовательную реформу, направленную в том числе на сокращение количества

¹⁰ В свою очередь, Макс Вебер испытывал некоторое влияние идей своего товарища — Георга Еллинека, о котором будет сказано далее. См. об этом: Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера / пер. с нем. М., 2007. С. 274.

¹¹ См.: Принцип формального равенства и взаимное признание права : колл. монография / под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М., 2016. С. 127—128.

¹² См.: Кожевников В. В. Легальность, легитимность государственной власти и политическое отчуждение в современной России // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 38.

¹³ Стародубцев С. С. Легитимность исполнительной власти: классическая и неклассическая интерпретации // Философия права. 2014. № 2 (63). С. 102.

¹⁴ Торо Г. Д. О гражданском неповиновении / пер. с англ. З. Е. Александровой. М., 2021. С. 19.

¹⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 215.

¹⁶ Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 304.

студентов на некоторых популярных отделениях и распространение неполного (двухлетнего) обучения¹⁷. Итогом реформы стали сперва массовые студенческие волнения и демонстрации, затем всеобщие беспорядки и забастовки, а в конечном счете — отставка Президента Франции Шарля де Голля (*Charles de Gaulle*) и смена правительства.

В рамках правоприменительного процесса дискреционно-нигилистическое административное поведение не обязательно затрагивает права, свободы и законные интересы частных лиц, но всегда оставляет у них неизгладимое впечатление о нелегитимности законности. Граждане чувствуют, что закон бескомпромиссен и догматичен и что в их положение при его реализации не станет вникать ни один агент публичной власти, каким бы фантазмагоричным или по-кафкиански абсурдным оно ни было. В этом заключается еще одна отрицательная сторона дискреционного нигилизма: встречаясь с ним, люди испытывают состояние детской беспомощности перед безжалостной и невежественной силой, действующей якобы от их же имени. А после такого негативного опыта они начинают искать *защиту от государства* и находят ее во всевозможных социальных группах (нередко и девиантного характера) *со своими нормативными порядками* — от профессиональных союзов и клубов спортивных болельщиков до религиозных сект и мафиозно-криминальных структур.

3. Нормативность: правовая и фактическая

Вопрос о «нормативной силе фактического», т.е. о несовпадении между двумя философскими категориями — *должным* (применительно к юридической науке — нормативно-правовым) и *сущим* (нормативно-фактическим), встал перед юристами в полный рост в Прекрасную эпоху¹⁸. Постановка этого вопроса традиционно ассоциируется с персоной видного немецкого позитивиста Георга Еллинека (*Georg Jellinek*)¹⁹. Как полагает Н. Н. Алексеев, именно он, будучи приверженцем критической философии Иммануила Канта (*Immanuel Kant*)²⁰, зафиксировал то обстоятельство, что «для юриста некоторые факты не могут не иметь нормативного значения, — правда, не по внутренне присущей им силе нормативности, но просто по психологической склонности людей обращать повседневное и при-

¹⁷ См.: Семенов А. Л. Май 1968 г. во Франции // Левые в Европе XX века: люди и идеи / под ред. Н. П. Комоловой и В. В. Дамье. М., 2001. С. 279; Коломийцев В. Ф. Рабочий класс и профсоюзы Франции в борьбе против монополий (1968—1981 годы). М., 1981. С. 92; Родин И. В. Французские студенты и общество в 1960-е гг.: время перемен // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею засл. проф. МГУ В. П. Смирнова / под общ. ред. Л. С. Белоусова. СПб., 2020. С. 241—242.

¹⁸ Прекрасная эпоха (фр. *La Belle Époque*) — промежуток времени между 1890 и 1914 гг. См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015. С. 226.

¹⁹ См.: Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1 : Общее учение о государстве. 2-е, изд., испр. и доп. С. И. Гессеном. СПб., 1908. С. 247—252.

²⁰ См.: Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. СПб., 2024.

вычное в должное»²¹. Впоследствии аналогичные проблемы исследовались и прочими иностранными, и некоторыми отечественными учеными.

Так, в 1902 г. русский правовед Н. И. Палиенко констатировал, что «для науки о государстве... понимание нормативной силы фактически сложившихся отношений имеет огромное значение»²². К сожалению, в современной российской юриспруденции об этом тезисе вспоминают не очень часто. Между тем законы, по которым *на самом деле* живет общество, могут принципиально отличаться от законов, которые пишутся для него в парламенте. Неслучайно в нашей стране появились и довольно герметично укоренились такие выражения, как «закон улицы», «закон джунглей», «закон гор», «закон — тайга, прокурор — медведь», «волчий закон» и др.²³ Все они, в сущности, отсылают нас к различным нормативным порядкам, которые подчас не имеют с правовым порядком ничего общего, однако совершенно не уступают ему по своей валидности. «Закон суров, но это закон» (лат. *Dura lex sed lex*)²⁴ — кажется, теперь это древнее изречение относится не только к праву.

Когда должное и сущее начинают противоречить друг другу, сталкиваясь, словно тектонические плиты, в недрах массового правосознания рождается нигилизм. Если верх в этом конфликте одерживает сущее, нигилизм становится *правовым*, а если должное — *дискреционным*. Но и в том и в другом случае ткань социальной нормативности, обыденной или юридической, не разрывается ни на секунду, чего нельзя сказать о нитях публичного управления, для прочности которых и при правовом, и при дискреционном нигилизме возникают серьезные и системные риски. Ведь в одинаковой степени трудно управлять теми, кто презирует законы, и подчиняться тому, кто игнорирует реальность. Вот почему солидарные усилия власти и общества должны быть направлены на то, чтобы постоянно лавировать между Сциллой и Харибдой — правовым и дискреционным нигилизмом, каждый из которых может принять угрожающие государственному бытию масштабы.

Любая нормативность имеет свою меру, свои *пределы*, и юридическая нормативность — не исключение из этого правила²⁵. Бессмысленно и опасно принимать прогрессивный закон в социуме со средневековой правовой культурой, ибо всякая либеральная норма непременно будет воспринята им как аномалия или патология — символ слабости, разобщенности и ненадежности верховной власти. Но ничуть не менее безрассудно прибегать к полицейским методам управления в странах с вековыми демократическими устоями. Правительство и парламент должны жить со своим народом, должны знать его, понимать его, общаться с ним, дышать одним и тем же воздухом с ним, и лишь из-за этого не испытывать

²¹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 174.

²² Палиенко Н. И. Нормативный характер права и его отличительные признаки. К вопросу о позитивизме в праве. Ярославль, 1902. С. 42.

²³ См., например: Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты : практический справочник : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 47, 115.

²⁴ См.: Душенко К. В., Багриновский К. Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений / под науч. ред. Д. О. Торшилова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 177.

²⁵ В научных работах также употребляется понятие «пределы правового регулирования». См., например: Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2024.

на его счет никаких иллюзий, радужных или пессимистичных. Правовой нигилизм же есть в некотором роде реакция на то, что власть не знает своего населения, дискреционный нигилизм — демонстрация того, что и не хочет знать, а в своей совокупности они олицетворяют раскол, отчужденность и враждебность, нахождение элиты и масс по разные стороны баррикад.

Лучшим подтверждением сказанного является закат Советского государства. В 1983 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов постулировал: «Мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. <...> Теряется связь партии с народом»²⁶. Это было верное, однако слишком запоздавшее осознание. Несколько лет спустя стартовала перестройка, и вскоре Союз ССР распался.

Заключение

Изложенные в нашей статье взгляды вряд ли можно назвать полностью оригинальными. В иностранной литературе множество раз подчеркивалась неприемлемость применения закона тогда, когда от такого применения гораздо больше вреда, чем пользы. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Даниэль Канеман (*Daniel Kahneman*), профессор Парижской школы перспективных коммерческих исследований Оливье Сибони (*Olivier Sibony*) и профессор Гарвардской школы права Касс Р. Санстейн (*Cass R. Sunstein*) утверждали следующее: «Допустим, что в определенных ситуациях применение правил приводит к ужасающим последствиям. В этом случае судьи начнут просто игнорировать установки, считая их слишком грубыми, и будут действовать на свое усмотрение. <...> Точно так же и правительственные учреждения, облеченные функциями защиты национальной безопасности и здравоохранения, способны пренебречь установленными положениями, если те слишком неэластичны»²⁷. Примечательно, что сегодня эта точка зрения совсем не выглядит как нечто революционное и радикальное, даже с учетом того, что при желании в ней можно отыскать симпатию к административному и судебному произволу.

Тем не менее мы уверены в том, что о дискреционном нигилизме надо рассуждать не намеками и обобщениями, а предметно и прямо, отбросив прочь всякую академическую беспристрастность, профессиональную сдержанность и политическую корректность. Требуется решительно, окончательно и бесповоротно признать: административное усмотрение — это, по справедливому соображению С. А. Старостина, «характерный признак и необходимый элемент государственного управления»²⁸, а потому отказ от реализации дискреционных

²⁶ Цит. по: Захаровский Л. В., Разинков С. Л. История России советского периода : учебное пособие. Екатеринбург, 2019. С. 178.

²⁷ Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений / пер. с англ. А. Котовой, С. Селифоновой, В. Тулаева. М., 2021. С. 418.

²⁸ Старостин С. А. Размышления об административном усмотрении // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 68.

полномочий, не будучи преступлением, может быть намного пагубнее, чем преступление. Дискреционный нигилизм угрожает не только конкретным лицам, но и, с одной стороны, жизнеспособности всего государственного аппарата, а с другой — *доверию населения к закону*. Рост дискреционно-нигилистических проявлений в правоприменительной практике превращает незначительную, «шаговую» дистанцию между властью и обществом в непроходимую для граждан бездну, марианскую впадину, в глубинах которой попираются законы физики и обитают неподвластные логике существа.

В статье 75.1 Конституции России, внесенной в Основной закон в рамках конституционной реформы 2020 г., декларируется, что в нашей стране «создаются условия... для взаимного доверия государства и общества»²⁹. Дискреционный нигилизм, несомненно, препятствует такому доверию. Об этом не следует забывать и об этом следует говорить. Надеемся, что настоящая статья привлечет внимание специалистов в области публичного права, государственного управления, политологии, социологии и экономики, и представленная в ней концепция послужит стимулом для дальнейшей научной дискуссии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. — СПб., 1998. — 216 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. — М., 2015. — 240 с.
3. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера / пер. с нем. — М., 2007. — 656 с.
4. *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права : избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. — СПб., 2004. — 848 с.
5. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. — М., 1989. — Т. 1. — 431 с.
6. *Душенко К. В., Багриновский К. Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений / под науч. ред. Д. О. Торшилова. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2017.
7. *Еллинек Г.* Право современного государства. — 2-е изд., испр. и доп. С. И. Гессеном. — СПб., 1908. — Т. 1 : Общее учение о государстве. — 599 с.
8. *Зайцев Д. И.* Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22. — № 4. — С. 542—554.
9. *Зайцев Д. И.* Теория административного усмотрения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2025. — 175 с.
10. *Зайцева Е. С.* Пределы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2024. — 538 с.
11. *Захаровский Л. В., Разинков С. Л.* История России советского периода : учебное пособие. — Екатеринбург, 2019. — 211 с.
12. *Зубарев С. М.* Административное право в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности :

²⁹ Конституция Российской Федерации. Официальный текст / вступ. ст. Т. Я. Хабриевой. М., 2022. С. 64.

- сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч. — М., 2025. — Ч. 2. — С. 68—72.
13. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений / пер. с англ. А. Котовой, С. Селифоновой, В. Тулаева. — М., 2021. — 544 с.
14. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. — СПб., 2024. — 1056 с.
15. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты : практический справочник : в 2 т. — СПб., 2003. — Т. 1. — 448 с.
16. Кожевников В. В. Легальность, легитимность государственной власти и политическое отчуждение в современной России // Аграрное и земельное право. — 2020. — № 7 (187). — С. 37—49.
17. Коломийцев В. Ф. Рабочий класс и профсоюзы Франции в борьбе против монополий (1968—1981 годы). — М., 1981. — 176 с.
18. Конституция Российской Федерации. Официальный текст / вступ. ст. Т. Я. Хабриевой. — М., 2022. — 136 с.
19. Матевосова Е. К. Доктрина правового нигилизма // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 6 (43). — С. 1037—1043.
20. Палиенко Н. И. Нормативный характер права и его отличительные признаки. К вопросу о позитивизме в праве. — Ярославль, 1902. — 48 с.
21. Петручак Л. А. Причины правового нигилизма в современной России // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 4 (9). — С. 17—23.
22. Принцип формального равенства и взаимное признание права : колл. монография / под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. — М., 2016. — 208 с.
23. Родин И. В. Французские студенты и общество в 1960-е гг.: время перемен // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею засл. проф. МГУ В. П. Смирнова / под общ. ред. Л. С. Белоусова. — СПб., 2020. — С. 238—246.
24. Семенов А. Л. Май 1968 г. во Франции // Левые в Европе XX века: люди и идеи / под ред. Н. П. Комоловой и В. В. Дамье. — М., 2001. — С. 265—295.
25. Сталин И. В. Головокружение от успехов (К вопросам колхозного движения) // Правда. — 1930. — № 60. — С. 1.
26. Стародубцев С. С. Легитимность исполнительной власти: классическая и неклассическая интерпретации // Философия права. — 2014. — № 2 (63). — С. 100—103.
27. Старостин С. А. Размышления об административном усмотрении // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 51. — С. 58—75.
28. Торо Г. Д. О гражданском неповиновении / пер. с англ. З. Е. Александровой. — М., 2021. — 448 с.
29. Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. — 2023. — Т. 20. — № 3. — С. 297—312.